Л. К. Гаврюшина

БЕГСТВО СВЯТОГО САВВЫ НА СВЯТУЮ ГОРУ: СЕРБСКАЯ ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ НА РУСИ

Образ светского властителя, избирающего монашеский путь, столетиями находился в центре внимания сербских агиографов. Переход представителя королевского рода из сферы мирского в сферу иноческого бытия являлся драматическим стержнем множества житий, что во многом определяло и особенности их поэтики. В большинстве случаев избрание иноческого подвига было итогом жизненного пути сербских королей, спасительным выходом, освобождающим их от тяжкого греховного бремени, преграждающего путь к Богу. Конфликт между «мирским» и иноческим началом сосредотачивался преимущественно в сфере изображения внутренней, духовно-душевной жизни подвижника; вместе с тем его идеализируемый образ был неотделим от его греховного прошлого, что объясняло непоследовательность в оценке земных событий, о которых агиограф не имел возможности умолчать. Наиболее показательный пример описанных принципов изображения светских властителей встречаем в «Житиях королей и архиепископов сербских», написанных архиепископом Даниилом II и его учениками, где образы королей-иноков являются прежде всего образами покаянными[1].

Иной тип драматического конфликта, связанного с уходом подвижника из мира, встречаем в житиях св. Саввы, «первоучителя сербского», младшего сына Стефана Немани. Как известно, Растко (мирское имя св. Саввы) в семнадцатилетнем

возрасте покидает отеческий дом и отправляется на Святую Гору. Монашеский выбор царского сына становится вызовом для его окружения; это определяет и характер основного конфликта в начале повествования о святом, конфликта внешнего по отношению к его идеальному образу. О бегстве юного Растко на Афон рассказывается в первом пространном житии подвижника, написанном хиландарским иеромонахом Доментианом (около 1253 г.); некоторые любопытные сведения об этом событии можно найти и в Житии св. Симеона (Стефана Немани), принадлежащем перу того же автора (1264 г.)[2]. Однако наиболее пространно и подробно описано оно в Житии св. Саввы, составленном Феодосием Хиландарцем (конец XIII – начало XIV в.)[3]. С точки зрения популярности этого сочинения не только в Сербии, но и за ее пределами, а также многочисленности переработок и выписок из него, встречающихся в рукописях, вплоть до XIX в., оно представляет собой весьма редкое явление в славянской средневековой прозе. Совершенно особое место в композиции феодосиевского Жития занимает история бегства св. Саввы на Святую Гору; есть основания полагать, что именно интерес к той части Жития, где она излагается, причем в довольно занимательной, не вполне свойственной сочинениям житийного жанра форме, в значительной мере обусловил широкое распространение Жития как в Сербии, так и на Руси. В настоящей работе мы коснемся некоторых особенностей идеального образа Растко-Саввы как царского сына и истории его бегства на Афон в изложении Доментиана, Феодосия и безымянного русского книжника конца XVII – начала XVIII в.[4]

Несмотря на всю сложность описываемых им житейских обстоятельств, Доментиан, в соответствии с панегирическим складом своих сочинений, стремится ни в коей мере не нарушить представление о всецелой преданности Богу не только самого святого Саввы, но и его родителей. Будучи убежден в изначальном предопределении подвижника к святости (так, Растко для него уже в начале Жития св. Саввы «великий светильник Божий»), агиограф избегает в своем сочинении деталей, которые могли бы направить рассказ в русло повествования о земных, мирских устремлениях и помыслах святых. Читая молитву Немани и Анны, родителей Растко, о даровании им сына,

можно заметить, что автор особо выделяет высший, духовный смысл его рождения, состоящий в христианском просвещении им своего отечества; при этом отсутствует какой-либо намек на то положение в обществе, которое он должен будет занять: **Господи, приложи нама родити чедо по воли твоѥго милосрьдиꙗ и по сьмотрению твоѥмоу божьствьномоу, ꙗко да бесчисльною силою твоѥю боголюбьнаго твоѥго благовѣриꙗ испльнить своѥ отьчьство**... Правда, позднее Доментиан мимоходом упоминает о желании отца и матери святого видеть его на сербском престоле, но лишь до тех пор, пока не открылся им Промысел Божий об их чаде. В той же молитве в изложении Феодосия о будущем сыне говорится лишь как об утешении родителей и как о наследнике сербского престола: ...**Даждь намь по твоѥи благосты прижити еште чедо моужскыи поль, иже боудеть оутѣшеніе доуши нашеи и наслѣдникь тобою нашеи дрьжавы**... Далее мы можем обратить внимание на одну несущественную с первого взгляда деталь в рассказе о юношеских годах св. Саввы. Так, Феодосий говорит о том, что удел, данный родителями сыну, был предназначен для увеселений его вместе с вельможами. Доментиан в данном случае избегает упоминания о Растко, очевидно, полагая, что веселье, о котором идет речь, нельзя было назвать духовным веселием о Господе, и оставляет его лишь для слуг:

Даста ѥмоу ѥдиноу страноу царьства своѥго вь область ѥмоу и на веселиѥ слоугамь ѥго[7].	**ѡтьдѣлише емоу родителіе страноу нѣкою дрьжавы своее, ѡтьходити емоу на поглоумленіе сь вельможами и сь благорѡдными юношами веселити се**[8].

Феодосий упоминает о желании родителей Растко женить сына, в то время как у Доментиана об этом нет ни слова. Доментиан не склонен углубляться в подробности душевного состояния тех, о ком он пишет. Так, сказав о «плаче» и «печали» родителей и слуг, узнавших о монашеском постриге Растко, он спешит упомянуть, что эта печаль была соединена со страхом Божиим и что совершившееся было воспринято как чудо, как Божие посещение. Говорить об отчаянии ближних святого в этой связи автор избегает, не желая намекать на их духовную

немощь. У Феодосия же отчаяние родных и слуг подвижника изображается со множеством подробностей:

...и по вьсемоу царьствию слышавьше малии и велиции толико чоудо бывьшеѥ, ѥже николиже бѣхоу прѣжде видѣли, страха божиꙗ и оунынииꙗ и печали и сѣтованиꙗ вьси испльнише се...[9]

...родители сына, братїа брата, раби владыкоу кричимимы гласы призывающте на оутѣшенїє скрьби, и паче вь бедоу вьпадающте, твораше бо ѥ оуродивы страсть[10].

Разумеется, своего рода «психологический натурализм» является здесь вполне оправданным, если принимать во внимание проповедническую, «учительную» настроенность Феодосия как агиографа. В его представлении через искушение отчаянием Неманя и Анна постепенно приходят к осознанию того, что они должны Богу больше, нежели обещали в молитве, и что дарованный им Богом сын Ему и принадлежит.

Панегирическое начало сочинений Доментиана, о котором мы говорили выше, неотделимо от поэтико-богословского видения им происходящего, от его стремления к истолкованию духовного смысла событий из жизни подвижника. Так, повествование о юношеских годах святого Саввы позволяет ему сосредоточить внимание читателя на нескольких темах — послушание, отношения отца и сына, представление о Промысле Божием. В Житии св. Симеона, обращаясь к этим темам, он создает своего рода многоплановую картину, последовательно, в движении от Ветхого Завета к Новому, воссоздавая ряд образов из Священного Писания. Тоску Немани, лишившегося Растко, агиограф уподобляет печали Иакова, который потерял Иосифа и не ведал, что Бог печется о нем[11] Переходя к теме послушания, он ссылается на Книгу Притчей Соломоновых[12]. Далее следует особенно любопытное и смелое сравнение взаимоотношений святого Саввы и его отца с отношениями Лиц Святой Троицы: **и о вьсѣмь сьмотре прѣподобьнаго отьца своѥго и подоблꙗше се добрымь дѣломь ѥго, ꙗкоже нельжна прѣмоудрость божиꙗ сьвѣдѣтельствова вь светомь ѥваньгелии своѥмь: иже видить сынь отьца творешта, тожде и сынь творить**[13]

Наконец, в молитве Растко об исполнении им «слова святого Евангелия» тема послушания отцу сменяется темой послушания

и преданности Христу: отец оставляется юношей ради Христа, но и он последует по стопам сына. Доментиан говорит об «исхождении» Растко из мира как о великой тайне для этого мира: **И примоливь Христа на помошть себѣ, и знаменикмь кго светыимь, крьстьныимь ороужикмь, оукрѣпивь се, изиде изь мира сего никомоуждє вѣдоуштоу развѣ водителю кго Христоу сьпасителю вьсѣх, и избранныимь слоугамь кго, иже с намь вьзлюбише послѣдовати Христоу**[14].

Отношение подвижника к Христу, его связь с Ним в представлении Доментиана вполне могли бы составить предмет отдельного исследования. Сейчас же упомянем в этой связи об одном символическом образе, распространенном как в византийской, так и в славянской литературах, имеющем различные варианты у разных авторов, в данном случае — у Доментиана и Феодосия. Имеется в виду образ «охоты на оленя», особенности которого у двух агиографов достаточно точно характеризуют художественные принципы каждого из них. В изложении Феодосия Растко уходит охотиться на оленей, то есть на Христа, в то время как у Доментиана Христос уже «уловил» юношу, а вонзенная Им в него стрела зажгла в нем божественную любовь. Таким образом, в первом случае святой сам устремляется к Богу, во втором же Бог предопределяет его путь как Своего угодника.

Ономоу же соуштоу изьдавьна Христомь оуловлкноу бывьшоу, и любовьною стрѣлою оустрѣлкноу, кгоже любовию оуꙗзвивь се...[15]

не бѡ вѣдѣаста, ꙗко не єлене хоштеть оуловити, нь источника живѡтнаго Христа, ꙗко напоити оуеленкноу доушоу кго, ꙃапаливьшоуюсе ѡгнкмь желанныимь любве его[16].

Следует отметить, однако, что указанный образ у Доментиана — лишь основание символической картины, которая создается им в дальнейшем повествовании. Новый символический образ строится на основе «восхождения» по «лестнице» значений слова «гора». Это: гора, где Растко должен был ловить зверей, образ «Святой горы» в Псалтыри — **Привитак по горамь ꙗко пьтица по словеси богоотьца Давида: господи, кьто обитакть вь жилишти твокмь, или кьто вьселить се вь светлоую гороу твою?** — и, наконец, Святая Гора (Афон), куда вселяется святой.

вселение в «пустыню» позволяет уподобить его св. Иоанну Крестителю[17]

Возвращаясь к рассказу Доментиана о том, как была воспринята весть о пострижении царского сына, следует отметить особое воздействие случившегося — в его изложении — не только на чувства и религиозное сознание Немани и его ближайшего окружения, но и на христианские представления народа. Обращают на себя внимание слова агиографа, которые в одной из своих статей приводил еще Стоян Новакович: **и по вьсеи земли дрьжавы юго велико сѣтованиѥ и оужась бысть, прѣжде невидѣное видѣвше и неслышанное слышавьше, и светыѥ црькви мольбы оумножише, и страха божиꙗ и оумилѥниꙗ вьси испльнише се, и прочии чловѣцы светыимь доухомь наоучени пѣсни сьмысливьше и сѣтоуюште поꙗахоу о ошьствии богомоудрааго юноши**[18].

Хотя, по мнению ученого, Церковь не могла одобрять песни, о которых упоминает Доментиан[19], не следует забывать об имеющемся в тексте Жития св. Симеона указании агиографа, что они пелись под воздействием Святого Духа, что свидетельствует о присущем им духовном значении. Можно было бы предположить, что это «пение с сетованием», которое было попыткой постигнуть смысл таинственного отказа царского сына от земных благ и власти, положило начало бытованию духовных стихов у сербов. В другом сочинении Доментиана, Житии св. Саввы, мы также встречаем слова, подтверждающие, что уход Растко на Святую Гору явился побуждением к подлинному осмыслению христианских ценностей в народной среде: **...оть толѣ искра божиꙗ вьжеже се вь срьдьцихь правовѣрьныихь вь отьчьствѣ юго, и оть того часа обоуздани быше вьси страхомь божнѥмь, иже разоумѣше божии промысль бывьшии о нѥмь...**

Как известно, история царского (княжеского) сына, более земных сокровищ возжелавшего Царства Небесного, сюжет, достаточно распространенный в мировой литературе. Достаточно вспомнить Повесть о Варлааме и Иоасафе, которая, как и феодосиевское Житие св. Саввы, получила широкое распространение в русской словесности. Первое является самым популярным памятником переводной литературы (известно более 600 ее русских списков)[21], в то время как Житие, написанное Феодосием, вероятно, было самым читаемым среди житий,

заимствованных из других славянских литератур (известно около 100 списков). Оба памятника имели хождение в извлечениях и переработках[22].

Житийный образ святого Саввы, Божиим Промыслом ставшего не наследником сербского престола, а архиепископом сербским, проникает в русскую книжность вместе с пространной редакцией феодосиевского Жития в первой трети XIV в. В тоже время начинает распространяться на Руси и краткая редакция этого сочинения, явившаяся простым сокращением сербского текста – известно по крайней мере восемь ее списков. Переработки Жития св. Саввы стали появляться в России, очевидно, не ранее XVII столетия. Среди них известны опубликованная Л. Стояновичем (текст авторства Филофея Лещинского в Сборнике конца XVII – начала XVIII в., хранящемся в ГИМ – Син., № 146), а также помещенная в Сборнике начала XIX в. из собрания Барсова, № 1579 (ГИМ). Обнаруженный нами несколько лет назад в Научной библиотеке Саратовского университета текст Жития св. Саввы, также представляющий одну из переработок феодосиевского сочинения, не имеет отношения ни к краткой XIV в., ни к упомянутым переделкам Жития более позднего времени. Отрывок из Жития помещен в старообрядческом сборнике смешанного содержания, вероятнее всего, относящемся к началу XVIII в. (собр. Мальцева, № 1235)[23] Здесь мы имеем дело с не вполне обычным явлением, а именно с переработкой части Жития, в результате которой появилась новая русская редакция одного лишь отрывка сочинения Феодосия. Несмотря на то, что текст имеет заголовок: «**М(еса)ца генварѧ въ д҃i д(е)нь житїе и подвизи иже во с(вѧ)тых ѡ(т)ца н(а)шего Савы архїеп(ис)к(о)па сербскагѡ**», повествование в нем обрывается на том месте, где слуги Стефана Немани расстаются с юным иноком Саввой, убедившись, что не осталось никакой надежды на его возвращение домой вместе с ними. Вступление, имеющееся во всех списках пространной редакции, как сербских, так и русских, также опущено; текст начинается словами: «**сеи бѣ блаженныи Сава сынъ жупана великаго игемана и государѧ сербскаго**».

Русский автор в основном сохранил неизменным текст той части Жития, которую позаимствовал у Феодосия. Вместе с

тем он вносит в изложение сербского автора существенные изменения: в нескольких местах оно прерывается и между фразами Феодосия помещаются отрывки, сочиненные нашим книжником. Первый их них присоединен к словам о приходе Растко в родительский дом вместе со знатными юношами из своего удела. Здесь отец и мать просят его послушать их совета, доставить им радость и жениться – его брак позволил бы им спокойно умереть. А именно, Неманя и Анна предлагают сыну, в том случае, если он не захочет взять за себя девушку из своей среды, найти для него невесту в ином государстве – причем самым желанным для них был бы, как следует из приведенных книжником слов, брак Растко с девушкой из России, из «**великаго властодержства московскаго**». Свое желание они объясняют тем, что русские девицы царского рода весьма благочестивы («**цвѣтꙋт благочестїем**»). Как видим, русский книжник не слишком заботится о соблюдении исторической точности, ибо, желая приблизить времена святого Саввы, когда Русь была под татарским игом, к своей эпохе, с легкостью соединяет их с временами Московского царства.

Благоразумный юноша уходит от прямого ответа и говорит, что ему еще не пришло время жениться. Тогда в разговор вступают вельможи («**вси велможи и кнѧзи и воеводы и стратилаты**»), настаивая на том, чтобы Растко исполнил желание родителей. Они напоминают ему, что вступление в брак – его долг как наследника сербского престола: «...**донде(же) древо ботѣет и цвѣтет тогда і вѣтвїе бывает. А тебѣ г(осꙋ)д(а)рь, вси земли сербскїѧ пасти, ц(а)рствовати в насъ рабѣх твоих**».

Этот диалог мог бы нам напомнить сцену из народной песни о святом Савве, в которой родители, слуги и священство также просят его жениться[24]. В ответ на настойчивые обращения к нему слуг царский сын попросту повелевает им умолкнуть: «**он же ѿвѣщавъ: вамъ рече подобает о сем молчати, они(же) ꙋмолкоша, да не разгневают его...**»

Следующая авторская вставка касается беседы Растко с русским иноком, пришедшим вместе с другими за милостыней на двор Стефана Немани. Инок испытывает юношу, желая понять, действительно ли он осознает, насколько трудно будет ему привыкать к монашеской жизни, исполненной лишений, после

многих лет, проведенных в роскоши и почете: «...**н(ы)нѣ слѹжат ти кнѧзи и тысѧщници землїи, а тамо своима рѹкама мотыгою начнеши землю копати. ї всѧ скорби имаши терпѣти**».

Третий крупный отрывок, являющийся плодом художественных исканий русского книжника, – это плач родителей св. Саввы, получивших от охотников, которые должны были сопровождать его в лесу, весть о его исчезновении. Родители печалятся не только из-за расставания с сыном, но и потому, что потеряли духовного наставника. Здесь мы слышим слова матери Растко о желанном для нее браке сына и слова отца о нем как о наследнике престола. Следует напомнить, что у Феодосия плач родителей (который по своему содержанию соответствует этому отрывку) помещен в другом месте, а именно, после рассказа о том, как родители получили письмо и прядь волос сына от своих слуг, вернувшихся со Святой Горы. Очевидно, что для нашего книжника этот плач является кульминационным моментом повествования. Он особенно интересен благодаря появляющемуся в нем образу Сербской земли-вдовы, у которой отняли мужа – главу и предводителя. Этот образ, который встретится нам и в дальнейшем изложении, в словах воеводы, уговаривающего Растко вернуться, представляет собой художественное ядро сочинения. Приведем здесь отрывок из «плача», слова Стефана Немани, обращенные к пропавшему сыну, а также слова воеводы: 1. **ѡт(е)цъ ж(е) плача г(лаго)лаше: н(ы)нѣ печал(ь) познаҳ; на кого возрю или с кимъ побесѣдоую, кто мѧ поѹчит ѡт писанїѧ, кто мѧ накажет страҳ б(о)жїи имѣти, кого н(ы)нѣ бл(а)гословлю на великое сїе г(осу)д(а)рство, ѡ лютѣ мнѣ с(ы)не мои, что сотворил еси. Ни все ц(а)рство мое стоит единои твоеи м(ѹ)дрости. Ѹмрѹ чадо и жити не хощѹ. Вдовствѹет сербскаѧ землѧ, плачется началника своего.**

2. ...**Но и вси твои кнѧѕи и паты і воеводы і тысящници с воплем і всѧ землѧ твоѧ ꙗко вдова мѹжа вопїет.**

Настаивая на возвращении Растко домой, воевода напоминает ему о его сыновнем долге – сменить престарелого отца на престоле; желая вызвать у него сочувствие к себе, он высказывает опасение, что его господин сурово накажет его за невыполненное приказание (и эта вставка принадлежит перу русского автора): «**требѹют тѧ родители твои, и вси велможи ваши ї**

братїа твоѧ. ꙗко ѡ(тє)ць прєстарѣл и г(осꙋ)д(а)рьство трєбꙋєт тѧ началствовати, аще ли ѡставити тѧ имам, то ꙋмрєти ıли сходникꙋ быти в чꙋжаѧ страны».

Как у Доментиана, так и у Феодосия возвращение св. Саввы домой, о котором просят его ближние, не связывается с темой его брака и престолонаследия ни в рассказе о его бегстве на Афон, ни позднее. Мать и отец добиваются возвращения сына лишь потому, что любят его и тоскуют. Убедившись, что это невозможно, они уговаривают его вернуться домой хоть ненадолго: «**много же молєт сє, и вєликы болѣзни пламєнь ѡть нихь ѡтьнєти глаголють, аштє сподобєт сє пришьствїа єго, и пакы вь поустыню вьзвратити сє ѡбѣштаваюштє**»[25]

Появление новых, по сравнению с сочинениями Феодосия, тем у русского книжника, возможно, в какой-то мере было связано с его размышлениями о престолонаследии в России, однако их введение в текст стало прежде всего художественной находкой. Наряду с другими переработками Жития св. Саввы на русской почве, его краткой редакцией, примерами влияния Жития на развитие русской агиографии XVI и последующих веков, сочинение русского книжника-старообрядца является весомым подтверждением огромного интереса к личности св. Саввы, его житию, к истории Сербии в русской церковной и читающей среде. Неизвестный нам автор, живший на рубеже двух эпох в русской словесности, проявил особенный интерес к самой драматически насыщенной части феодосиевского Жития. Для него оказалось интересным описанное Феодосием противостояние двух «миров», один из которых представлен идеальным образом царского сына и будущего святого с его всецелой преданностью Христу, другой же — образами близких ему, но неспособных понять его устремления людей, не имеющих подлинного религиозного опыта. Будучи взращен «мирской» средой, Растко остается свободным от нее, в то время как он для этого «мира» успел стать законным достоянием и драгоценным приобретением, с которым «мир» не желает расстаться. История его бегства на Святую Гору становится историей его спасения от притязаний «мира», и именно это содержание придает ей композиционную законченность в сочинении Феодосия Хиландарца. Желая создать на основе этой части Жития по-

учительную повесть, русский книжник развивает намеченное у Феодосия противостояние, позволяя близкому окружению Растко вступить с ним в спор относительно его будущего. В его сочинении появляется своего рода «мирской» идеал царского сына как наследника престола, отца семейства и «начальника» сербской державы. Дополнительно вводимые монологи и диалоги не только усилили эмоциональность повествования, но и позволили автору создать образы мирян, близкие его современникам-читателям. Вместе с тем, несмотря на известное влияние русского разговорного языка, которое можно ощутить в рассмотренном нами тексте, рассказ о святом Савве, каким его задумал наш автор, никак не нарушает общий стилистический характер повествования Феодосия.

Все сказанное выше могло бы, очевидно, послужить также свидетельством того, что Феодосий, чье творчество, с точки зрения следования канонам жанра, вполне соответствовало традициям средневековой агиографии, все же расширил эстетические границы повествования, обычные для средневековых житий и, в отличие от Доментиана, как агиограф несколько опередил свое время. Это проявилось как в занимательности изложения – прежде всего в той части Жития, которая была использована русским книжником, – так и в очевидном внимании к образам мирских людей и к особенностям их мировосприятия. Новые художественные черты, которыми отмечено сочинение Феодосия Хиландарца, открыли его повествование для читателей последующих эпох, а для книжников нескольких поколений послужили побуждением к творчеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Изд.: Животи краљева и архиепископа српских, написао Данило II и други, на свијет издао Ђ. Даничић, Загреб, 1866.

[2] Оба жития опубликованы в изд.: Живот Светога Симеуна и Светога Саве, написао Доментијан, на свијет издао Ђ. Даничић, Биограду, у државној штампарији, 1865.

[3] Изд.: Живот Светога Саве, написао Доментијан (ошибочно вместо Теодосије), на свијет издало Друштво србске словесности, трудом Ђ. Даничића, у Биограду, у државној штампарији, 1860.

[4] Основные положения настоящей статьи изложены в работе: *Л. К. Гаврјушина.* Свети Сава-царски син код Доментијана, Теодосија и једног руског књижевника XVII–XVIII века // 29 научни састанак слависта у Вукове дане (МСЦ, Београд–Нови Сад, 1999). Београд, 2000. С. 5–12.

Доментиан, Житие св. Саввы. Текст приводится по изданию Дж. Данилича (далее – Доментиан, ЖСС). С. 119.

[6]Феодосий, Житие св. Саввы. Текст приводится по изданию Дж. Данилича (далее – Феодосий, ЖС). С. 4.

[7]Доментиан, Житие св. Саввы // Доментиан, ЖСС. С. 121.

[8] Феодосий, ЖС. С. 5.

[9]Доментиан, Житие св. Саввы // Доментиан, ЖСС. С. 130.

[10] Феодосий, ЖС. С. 11.

[11] Доментиан, Житие св. Симеона // Доментиан, ЖСС. С. 25.

[12] Там же. С. 26.

[13] Там же. С. 26.

[14] Там же. С. 26–27.

[5] Доментиан, Житие св. Саввы // Доментиан, ЖСС. С. 123.

[16] Феодосий, ЖС. С. 10.

[17] Доментиан, Житие св. Саввы // Доментиан, ЖСС. С. 123–124.

[18] Доментиан, Житие св. Симеона // Доментиан, ЖСС. С. 27.

[9] *Ст. Новаковић.* Стара народна песма о одласку Св. Саве у калуђере // Отаџбина. II. Београд, 1880. С. 228–229.

[20] Доментиан, Житие св. Саввы // Доментиан, ЖСС. С. 130.

[21] Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедева. Л.: Наука, 1985. С. 34.

[22] *Л. К. Гаврюшина.* Русская рукописная традиция Жития св. Саввы // Советское славяноведение. 1984. № 1. С. 68–82

[23] Текст сочинения русского книжника из собрания Научной библиотеки Саратовского университета опубликован в качестве приложения к статье: *Л. Гаврюшина.* Еще одна русская редакция Жития св. Саввы Сербского // Археографски прилози. № 22/23. Београд, 2000 /2001. С. 445–478.

[24] *Ј. Ђонић.* Св. Сава у народним и уметничким песмама. Београд, 1935. С. 1–5.

[25] Феодосий, ЖС. С. 28.